

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14003

EDN: NDJJHL

Поэтика «книги путешествия» («сафар-наме») в иранской словесности XIX — первой четверти XX в.

А. Н. Ардашникова^{1✉}, Т. А. Коняшкина²

^{1,2} *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки (г. Москва, Российская Федерация)*

¹ e-mail: anardash@mail.ru[✉]

² e-mail: tamara_mgu@mail.ru

Аннотация. В данной статье проанализирована эволюция жанра «сафар-наме» — иранских книг путешествий в XIX — первой четверти XX в. Широко востребованный с периода средневековья, он переживает в конце XIX столетия свой расцвет, а к середине XX в. полностью вытесняется из книжного обихода. Тексты, составившие источниковую базу статьи, являются наиболее значимыми и объемными произведениями этого жанра, что создало возможности для расширения исследовательского потенциала наблюдений и выводов. Эти сочинения не фигурировали в качестве объекта литературоведческого анализа ни в зарубежной, ни в российской иранистике. Между тем их исследование дало возможность выявить процесс постепенной жанровой разгерметизации и продемонстрировать конкретные механизмы изменения конститутивных признаков «сафар-наме», обозначенных в каноне весьма определенно. В статье показано, что книги путешествий демонстрируют широкий диапазон трансформаций поэтики традиционного жанра. Продолжая играть роль «школы», в рамках которой оттачивалось мастерство повествования и основные структурные принципы организации текста, канон подготовил почву для формирования отличных от классической модели принципов нарратива, свойственных для современного сюжетного повествования. Подвижность жанровой специфики «сафар-наме» является частным случаем тех изменений, которые претерпевала традиционная литература Ирана в XIX — первой четверти XX в.

Ключевые слова: сафар-наме, жанр, канон, трансформация поэтики, автор, литературная система, модернизация

Для цитирования: Ардашникова А. Н., Коняшкина Т. А. Поэтика «книги путешествия» («сафар-наме») в иранской словесности XIX — первой четверти XX в. // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 214–233. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14003. EDN: NDJJHL

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14003

EDN: NDJJHL

The Poetics of the “Book of Travel” (“Safar-Nameh”) in Iranian Literature of the 19th — Early 20th Century

Anna N. Ardashnikova ^{1✉}, Tamara A. Konyashkina ²

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University,
The Institute of Asian and African Studies
(Moscow, Russian Federation)*

¹ e-mail: anardash@mail.ru [✉]

² e-mail: tamara_mgu@mail.ru

Abstract. In this study the authors for the first time examine the evolution of the “safar-nameh” genre — Iranian travel accounts in the 19th — early 20th century. Widely in demand since the Middle Ages and having witnessed its heyday at the end of the 19th century, by mid-20th century this genre had been completely displaced from book circulation. The source base of the article is formed by the texts that have not yet been used as an object of philological analysis in either foreign or Russian Iranian studies. Meanwhile, being the most significant and voluminous works of this genre, they create opportunities to expand authors’ conclusions and observations. The analysis of these travel accounts made it possible to trace the process of gradual genre transformation and demonstrate specific mechanisms of change in the constitutive features of “safar-nameh,” quite clearly defined in the literary canon. Continuing to play the role of a “school” within which the mastery of storytelling and the basic structural principles of text organization were refined, the canon paved the way for the formation of narrative principles that are different from the classical model and characteristic of modern plot-based narration. The fluidity of the genre specificity of “safar-nameh” serves as an example of the changes that traditional Iranian literature undergoes in this period.

Keywords: safar-nameh, genre, canon, transformation of poetics, writer, literary system, modernization

For citation: Ardashnikova A. N., Konyashkina T. A. The Poetics of the “Book of Travel” (“Safar-Nameh”) in Iranian Literature of the 19th — Early 20th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 4, pp. 214–233. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14003. EDN: NDJJHL (In Russ.)

Введение

В XIX в. задано направление трансформации системных принципов, веками лежавших в основе художественной словесности Ирана¹. Строгая регламентация, в том числе жанровая и образная, в первую очередь касалась поэтического слова, доминировавшего в литературной практике как рассуждающее о мироздании и обладающее онтологической значимостью. Проза же, тяготеющая к описанию «мира дальнего» и говорящая с читателем о бытии в его материальном воплощении, чувствовала себя в рамках канона² более раскованно. Наиболее востребованными в ней с момента ее появления были жанр назидания (т. н. зеркала) и книги путешествия (*сафар-наме*). Зародившись в XI в., иранские травелоги не потеряли своего значения и столетия спустя. Выход Ирана за пределы регионального мира, интенсивность внешних контактов XIX в., ожививших связи с Европой, способствовали бурному развитию *сафар-наме* как отражения заново открываемого пространства. Оживление в это время средневекового жанра имеет свои впечатляющие количественные параметры — более 200 травелогов [Sohrabi: 3–4], которые фигурируют в историографии каджарского³ периода. Опубликованные только в середине XX в., они в подавляющем большинстве остались памятниками эпохи, лишенными современной им читательской аудитории, хотя частично бытовали изустно как рассказы бывалых путешественников, которые находили заинтересованных слушателей и в придворной среде, и на базаре, средоточии городской жизни.

Это во многом определило выбор в качестве источников нашего исследования только тех образцов жанра, которые дошли до адресата в печатной версии или в списках сразу после создания и имели свою устойчивую читательскую аудиторию. К ним, безусловно, могут быть отнесены травелоги венценосного путешественника Насер ад-Дин-шаха Каджара

¹ О традиционалистском типе художественного сознания см.: [Аверинцев, Андреев, Гаспаров, Гринцер, Михайлов].

² О роли канона в формировании и эволюции литературной системы эпохи традиционалистского типа художественного сознания см.: [Куделин].

³ Каджары — иранская династия, правившая в 1795–1925 гг.

(правил 1848–1896), *сафар-наме* Реза-хана, будущего основателя новой династии Пехлеви, пришедшей в 1925 г. на смену Каджарам, и первый оригинальный роман современного типа на персидском языке Зайн ал-Абидина Марагаи, эксплуатировавший форму дневниковых записок. Особняком в этом ряду стоит «Книга путешествия в Петербург» Мустафы Афшара, летописца и чиновника сопровождения иранского посольства в Россию в 1829 г. Сохраненное в нескольких списках, это сочинение циркулировало преимущественно в стенах шахской канцелярии, где и была сосредоточена его целевая аудитория — придворные сановники, сыгравшие ведущую роль в подготовке и осуществлении модернизационных преобразований, в том числе и на литературной ниве.

В поисках жанра

Пришедшие к власти в конце XVIII в. Каджары были первой шиитской династией, плотно включенной в систему мировой политики. Обострение соперничества великих держав — Великобритании, Франции и России — за влияние в Иране привело каджарский трон к открытому военному противостоянию с последней. Военный фактор стимулировал длительный и сложный процесс взаимного узнавания, заявивший о себе в самых разных сферах жизни иранского социума и нашедший косвенное отражение в литературе.

Мучительное приспособление к болезненно воспринятым в Иране условиям капитуляции, зафиксированным в Туркманчайском договоре 1828 г., вылилось в погром российского посольства в Тегеране и гибель всех членов миссии во главе с А. С. Грибоедовым. Это выходящее за рамки принятой дипломатической практики происшествие грозило привести к новому витку военного столкновения. Однако взвешенная позиция российского трона придала трагедии другой оборот. Российской стороной было принято не очень популярное, но рассудочное решение — избежать войны, удовлетворившись принесением Ираном извинения за трагический инцидент, усиливший напряженность в отношениях двух соседних держав.

Посланцем каджарского государства в Россию стал младший сын наследника престола Хосров-мирза. Помимо урегулирования вопросов политического и экономического характера одним из значимых результатов этого десятимесячного визита стало развенчание образа России как врага и ориентация на обеспечивающее взаимные интересы сближение двух тронов. Единственным документальным подтверждением этих намерений с иранской стороны стал официальный дневник икупительной миссии «*Сафар-наме* в Петербург»⁴, принадлежащий перу Мустафы Афшара, — один из первых травелогов каджарского времени, нарушивший привычные представления о жанре. Отличавшиеся выраженной устойчивостью, они включали в себя описание маршрута следования от первого лица, последовательную датировку записей и систематическую фиксацию представлений об открывающемся автору пространстве, чаще всего ранее ему неизвестном. Автор травелога «ставил задачей дать описание только лично им виденного и слышанного; это простой, безыскусственный рассказ, местами очень живой, иногда драматический, <...> главное достоинство которого в личных впечатлениях очевидца» [Крачковский: 266], независимо от того, выступает ли автор в качестве частного лица или представителя государства, как в случае с травелогом Мустафы Афшара.

Нельзя сказать, что сочинение Афшара было обойдено вниманием иранистов. Переведенное на английский язык [Bournoutian], оно неоднократно использовалось как информативный источник для изучения длительного пребывания в России «великого посольства» Ирана, одного из самых масштабных в истории российско-иранских связей⁵. Однако при этом практически половина оригинального текста сочинения Афшара игнорировалась как лишенная информативной ценности, «выпав» и из перевода, и из исследовательского поля.

⁴ Афшар М. *Сафар-наме-йе Хосров-мирза бе Петербург* (Книга путешествия Хосрова-мирзы в Петербург). Тегеран, 1970. 406 с. (На перс. яз.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием условного сокращения *Афшар* и указанием страницы в круглых скобках.

⁵ Детали пребывания иранской миссии в России отражены в целой серии публикаций на русском, английском и персидском языках. Об этом см., напр.: [Базиленко], [Melville], [Балаценко].

Между тем для историка литературы именно она представляется наиболее значимой. Если включенная в круг интересов иранистов часть *сафар-наме* выполнена в соответствии со всеми требованиями жанра, то оставленная без внимания — полностью противоречит каноническим установкам.

Этот раздел, занимающий значительное пространство текста, неоднороден по структуре и содержанию. Большая его часть, многословно озаглавленная автором «О количестве российских областей, численности населения и его состоянии, состоянии каждой области и каждого сословия российских подданных», представляет собой развернутое географическое описание империи, подкрепленное большим количеством официальной статистики и снабженное кратким экскурсом в ее историю. Помимо этого, в *сафар-наме* воссоздаются основные принципы и механизмы государственного управления страной, основанные на «Табели о рангах». Но не только. Из «Книги путешествия в Петербург» читатель может получить сведения о населяющих Россию народах, их этническом и конфессиональном составе, географических пределах, природных ископаемых, морях и реках «северного колосса» и т. д. Создается впечатление, что перед нами пространная энциклопедическая статья под названием «Современная Россия». Наполнение этой части и стиль ее изложения не оставляют сомнения, что это своего рода «совместное производство», то есть текст создавался с явной опорой на материалы, предоставленные российскими чиновниками и переложенные на персидский язык М. Афшаром.

Однако Мустафа Афшар выступает в этом разделе не только в своем профессиональном амплуа переводчика, но и предстает перед читателем как путешественник и самостоятельный автор, дополнивший сухие сведения о России своими личными впечатлениями в главе, посвященной «обычаям и нравам этого народа». В этом качестве фигурируют, как правило, состоятельные горожане, которые изображены в самых разнообразных житейских обстоятельствах: когда они после молитвы садятся за стол, приготовленный к утренней трапезе, — здесь и «хлеб с маслом или сыром, и говяжий язык, и чай или кофе с молоком» (*Афшар*: 358), или же, когда, ожидая гостей, они оглядывают парадные комнаты с непривычной для

иранца мебелировкой — со «стульями и диванами из ценных пород деревьев с шелковой обивкой, занавесями из шелка и муслина, зеркала в полный рост, люстрами, напольными часами и головами из мрамора» (*Афшар*: 347). Правда, М. Афшар трезво оценивает уровень жизни представителей разных сословий, отмечая, что единственным украшением крестьянского жилища служат «раскрашенные изображения» (иконны. — А. А., Т. К.) Исы и Марьям⁶. В тексте нет и следа неприязненного отношения автора к иноверцам, весьма усилившегося в Иране в годы военного противостояния с Россией. Предубеждение отсутствует и при подробном описании похоронного христианского обряда, когда человек «вручает душу ангелу смерти Азраилу», а «жена, обняв ящик (припав к гробу. — А. А., Т. К.), плачет и сетует, но кто знает, что она при этом думает» (*Афшар*: 369). Здесь отчетливо заявляет о себе авторская нарративная техника, свободная от принятой в *сафар-наме* линейности и точечной привязки ко времени и пространству, а конкретика передвижения по маршруту замещается обобщающими очерковыми наблюдениями.

Симптоматично, что подобный тип организации текста *сафар-наме* будет использован десять лет спустя в травелогe Мирзы Масуда Гармруди⁷, в качестве высокопоставленного чиновника принимавшего участие в редактировании «Книги путешествия в Петербург» Афшара, а впоследствии вставившего в свое собственное сочинение отдельный раздел под названием «Перевод "Географии мира"» без указания на авторство первоисточника.

Путешествие реальное и вымышленное

Безусловно, самыми популярными книгами путешествий своего времени были дневниковые записи Насер ад-Дин-шаха Каджара, правившего Ираном без малого полвека. Этот период,

⁶ Иса — один из пророков в исламе, отождествляется с Иисусом Христом; Марьям — мать пророка Исы, отождествляется с Богородицей (Девой Марией).

⁷ Гармруди М. Сафар-наме-йе Мирза Фаттах-хан Гармруди бе Орупа мусум бе Чахар фасл (Книга путешествия Мирзы Фаттах-хана в Европу, известная как Четырехглав). Тегеран: Данешгах-е Техран, 1968. 251 с. (На перс. яз.).

охватывающий всю вторую половину XIX в., отмечен несколькими попытками реформ. Впрочем, все они остались незавершенными. Посетивший Россию и Европу в 1873, 1878 и 1889 гг., Насер ад-Дин-шах стал первым правителем Ирана, совершившим путешествие такого рода. К слову сказать, каджарский шах, как и российский император Николай II, относился к редкому типу государей, постоянно ведущих личный дневник. В том числе он подробно описал свою поездку на богомолье в святую для каждого шиита землю Ирака. В отличие от двух дневников путешествий шаха в Европу⁸ текст «Книги путешествия в *атабат*⁹»¹⁰ не прошел литературную обработку, язык сочинения прост, почти небрежен, лишен стилистических фиоритур, присущих в это время персидскому прозаическому тексту. Чувствуется, что это дань каждодневной привычке и сочинение не писалось с прицелом на публикацию.

Что касается книг путешествия в Европу, то Насер ад-Дина принято считать не единственным автором сочинения, подписанного его именем, так как основная часть работы была, по-видимому, выполнена хорошо знакомыми с Европой придворными, которые сопровождали его величество в поездке. Тем не менее европейские травелоги отражают личные впечатления монарха, голос которого — восхищенный, недоумевающий, а то и критический — хорошо различим на страницах сочинений. Естественно, деловая часть поездки, за исключением череды торжественных обедов и светских приемов, остается за пределами текста, а сами *сафар-наме* представляют собой рассказ об увлекательном путешествии монарха, желающего поделиться со своими подданными увиденным в Европе.

⁸ Насер ад-Дин-шах Каджар. Рузнаме-йе сафар-е аввал бе Фаранг (Дневник первого путешествия в Европу). Бомбей, 1876. 210 с. (На перс. яз.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием условного сокращения *Насер ад-Дин-шах Каджар, 1976* и указанием страницы в круглых скобках; Насер ад-Дин-шах Каджар. Рузнаме-йе сафар-е доввом бе Фаранг (Дневник второго путешествия в Европу). Тегеран, 1879. 235 с. (На перс. яз.).

⁹ Атабат — от араб. *ал-‘атабат ал-‘алиййат* — «высокие пороги». Часть территории современного Ирака, где расположен сакрально-мемориальный комплекс, посвященный шиитским святым мученикам.

¹⁰ Насер ад-Дин-шах. Сафар-наме бе атабат (Книга путешествия в атабат). Тегеран, 1993. 303 с. (На перс. яз.).

Подчеркивая, что книга путешествия будет вестись с тем же тщанием, что и его личные дневники, и подданные смогут получить полное представление о его поездке, Насер ад-Дин уточняет название своего сочинения — «*Руз-наме-йе сафар*», каждодневная книга, или ежедневник путешествия. Интересно, что слово «*руз-наме*» вошло в речевой обиход этого времени в значении «газета», что практически превращает коронованного экскурсанта в глазах читателей в репортера.

Без сомнения, по насыщенности текста уникальной информацией, так как речь идет о главе государства, книга путешествий Насер ад-Дина не имеет себе равных. Привлекательность сочинений для читающего обусловлена еще и доверительностью авторской интонации, в которой слышна человеческая сторона монаршего «я». Шах замирает, чувствуя свою незначительность, оказавшись в порту Кронштадта¹¹ или совершая экскурсию по заводам Круппа в Ганновере¹². Хотя визит иранского шаха выстраивался по правилам принятого в Европе дипломатического протокола, читатель безошибочно угадывает, к чему склоняются личные интересы Насер ад-Дина: военные парады, зоопарки, привлекавшие шаха как заядлого охотника и знатока природного мира¹³, и «европейские танцы» — балет, преданным поклонником которого он оставался всю жизнь.

Создается впечатление, что автор намеренно избегает любых размышлений, порожденных увиденным, не говоря уже об оценочных суждениях, безоговорочно отдавая предпочтение описанию — занимательному, но скользящему по поверхности вещей. В сущности, перед нами следование классической

¹¹ «Громады военных кораблей, мимо которых мы проплываем, заставляют меня волноваться, становится немного не по себе. Утешает лишь то, что огромные колёса кораблей, приводящие в работу эти гигантские машины, не двигаются, из труб не идёт чёрный дым и не слышно шума мотора» (*Насер ад-Дин-шах*, 1876: 117).

¹² «Поршни, приводящие в движение все машины на фабрике, размером с гору. Рядом с конвейерной лентой чувствуешь, как под ногами дрожит земля. И даже на расстоянии от фабричных корпусов мы всё равно чувствовали, как содрогаются под нашими ногами земля» (*Насер ад-Дин-шах*, 1876: 104–105).

¹³ «Я готов был еще долго стоять у клетки со львом, но это было невозможно, толпы посетителей зоопарка не дали мне этого сделать» (*Насер ад-Дин-шах*, 1876: 188).

средневековой модели книги путешествия с фокусом внимания на «дикины страны» (*аджаиб ал-билад*)¹⁴.

Жанр *сафар-наме*, в популяризации которого сыграл заметную роль сам государь, лег в основу творческого поиска непрофессионального писателя Зайн ал-Абидина Марагаи (1837–1910) в его единственном романе «Дневник путешествия Ибрахим-бека, или Его злоключения по причине фанатической любви к родине» (1888)¹⁵, ставшем настольной книгой и манифестом иранских реформаторов эпохи «пробуждения Азии». Этот первый оригинальный роман современного типа на персидском языке воплотил в себе квинтэссенцию взглядов интеллектуалов, чьи политические принципы в начале XX в. обосновали необходимость конституционного преобразования Ирана. По своим базовым характеристикам он может быть отнесен к произведению просветительского типа, которому свойственна открыто заявленная идеологическая ангажированность. Появившись в эпоху, предвещающую иранскую конституционную революцию, роман нового типа насыщается патриотическим пафосом, основанным на чувстве возвышенной любви к страдающей родине. «Любовь к родине (*ватан*) — от веры (*иман*)» — отныне не просто лозунг, но и прямая религиозная санкция "мусульманского патриотизма" нового времени» [Кораев: 51]. Так, на стадии своего становления современная иранская проза перенимает эстафету у классической поэзии, рассуждающей о высоком.

Сюжет романа прост. Молодой иранец, сын богатого торговца из Каира, осуществляет свою давнюю мечту — посетить родину, в любви к которой он был воспитан¹⁶. Впечатления

¹⁴ О классическом травелогe XI в. см.: [Додыхудоева, Рейснер].

¹⁵ Марагаи Зайн ал-Абидин. Дневник путешествия Ибрахим-бека, или Его злоключения по причине фанатической любви к родине. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 270 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Марагаи* и указанием страницы в круглых скобках.

¹⁶ «Некоторые остроловы из его соотечественников, желая подшутить над ним, говорили в его присутствии разные неприятные вещи об Иране. Поминали они об отсутствии порядка, о том, что солдаты босы, а должности в областях покупаются взятками; народ обманывают правители, беглербеки, старосты и полицмейстеры, и любой из них всевозможными кознями может обложить человека штрафом или засадить в тюрьму. Говорили, что

восторженного патриота, не желающего верить, что слава и величие Ирана в прошлом, и составляют основное содержание книги. «Вечный раздор мечты с существенностью» оказывается в романе столь разительным, что превращает молодого наивно-отчизнолюбца в мрачного меланхолика. Усиливая трагизм потери иллюзий, автор заставляет своего героя умереть. Но читатель вновь встречает Ибрахим-бека вместе с его старшим другом и наставником Юсефом в загробном мире.

Незримо путешествуя вместе с героем, автор открывает читателю не новый, неведомый ему мир, как в дневниках Насер ад-Дин-шаха, а хорошо известное пространство, меняя присущую жанру привычно благожелательную оптику на социально-критическую и не выпуская из виду ни одной из сторон иранской жизни, достойной осуждения.

Жанровая модель документально-художественных *сафар-наме* впервые выступает здесь как основа для создания жанра романа, а путешествие служит композиционным стержнем книги, позволяющим автору воссоздать широкую панораму жизни современного Ирана. Внешняя связь между различными по характеру, времени и месту действия эпизодами достигается единством рассказчика, выполняющего сюжетную роль резонера, от лица которого ведется повествование. Сюжет романа развивается одновременно и в линейном движении фабульной истории, и в придающих ему дискретность многочисленных монологах рефлексирующего героя, страстно обличающего носителей власти всех рангов¹⁷.

в некоторых городах имеется до пятнадцати тюрем с колодками и оковами... <...>. Возмущались грязью в городах и тем, что мечети не освещены и закрыты по одиннадцати месяцев в году, а осенью завалены арбузами и дынями. <...> Говорили они о том, что духовные лица враждуют между собой и завидуют друг другу. Каждый из них держит при себе группу в 10–12 человек из отъявленных бандитов и подонков общества, у которых чешутся руки на имущество горожан. <...> Несчастный, слушая эти речи, негодовал, обвинял их в безверии, в отсутствии патриотизма. И как часто от попреков и брани дело доходило до драки, и тут уже вырывались борды и сыпались затрецины!» (*Марагаи*: 16–17).

¹⁷ «Так вот, скажите мне, в каком из городов этой бескрайной страны вы построили больницу или богадельню, или приют для сирот, или ремесленную школу для обучения беспризорных детей? В каком селении вы проложили шоссе для облегчения всякого рода перевозок, где вы ввели орудия, помогающие земледельцу в его тяжком труде, который

Убеждая читателя в том, что перед ним подлинные путевые заметки, писатель имитирует основные жанровые признаки *сафар-наме*: приводит датировку, названия городов, которые якобы посетил его герой, и усиливает эти сведения преискурантом его дорожных и гостиничных издержек. Достоверность происходящего подчеркивает и предваряющий собственно дневник рассказ автора о том, каким образом в его руках оказалась рукопись травелога. Литературная мистификация Зайн ал-Абидина Марагаи вполне удалась, и читатель имел все основания поверить в реальность происходившего.

Несомненным новаторством Марагаи был образ главного героя, соразмерного и читателю, и автору, не говоря уже о том, что в истории Ибрахим-бека угадывается авторский биографический след. Подобно своему вымышленному герою, сам Марагаи также родился в купеческой семье, долгие годы прожил вдали от Ирана, сначала на Кавказе, затем в Крыму, где, приняв в Ялте российское подданство, был вполне коммерчески успешен, однако не оставлял мысли о возвращении на родину. Вечный странник, он так и не доехал до Ирана, умерев в Стамбуле.

Роман «Дневник путешествия Ибрахим-бека», построенный на гармоничном сочетании художественного и публицистического начал, — главное, но не единственное детище Зайн ал-Абидина Марагаи. Нередко к различным изданиям книги прилагался цикл газетных публикаций автора под общим названием «Куда плывет корабль нашей политики, в чем наш долг и что нам следует делать?», созвучных доминирующей проблематике и тональности романа. Тем не менее Марагаи удалось сохранить баланс художественной подачи образа своего героя и не превратить его в глашатая газетных истин, присущих либеральной прессе.

Путешествие во власть

Политическая злободневность персидской словесности, впервые заявившая о себе в конце XIX в., выходит на первый составляет основу жизни всего народа? Какие полезные меры вы приняли во имя развития торговли, о которой ежеминутно пекутся все крупные государства, на расширение которой они тратят миллионные суммы, а в случае необходимости идут и на кровопролитие?» (*Марагаи*: 68).

план в период конституционной революции 1905–1911 гг., которая напрямую диктовала авторские предпочтения, подчиненные отныне актуальной повестке дня. Ярким показателем этого процесса стало стремительное развитие прессы с присутствующим ей комплексом публицистических жанров: от политической аналитики до фельетона. Следующее десятилетие стало временем становления жанров рассказа и романа, представленного в двух его разновидностях — социально-бытового и исторического. На этом фоне перестроившейся на современный лад литературной системы появление сочинения, заявленного в традиционном жанре *сафар-наме*, выглядит явным анахронизмом. Тем более что оно принадлежало перу Реза-хана Пехлеви, самого популярного и влиятельного иранского политика той поры, не раз заявлявшего о себе как о стороннике создания сильного национального государства.

«*Сафар-наме в Хузестан*»¹⁸ была опубликована в 1924 г. после триумфального завершения военного похода Реза-хана с целью подавления сепаратистского движения на далекой южной окраине Ирана¹⁹. Эта победа проторила ему, премьеру и главнокомандующему, дорогу к иранскому трону. Карьера, еще несколько лет назад немыслимая для кадрового военного без каких бы то ни было связей в политической элите, становилась явью, и уже через год он был возведен на престол как основатель новой династии Пехлеви²⁰.

На первый взгляд, это сочинение соответствует формальным признакам *сафар-наме*: автор обозначил маршрут и цель следования, по-военному точно хронометрируя свое передвижение, меняя по дороге автомобиль на военный аэроплан, проделывая часть пути по воде, а то и пешком, как простой солдат. Но читатель не увидит Ирана, по которому путешествует премьер: характеристика местности, где пролегает путь, лапидарна, скупа и не создает единой картины увиденного — то автор

¹⁸ Сафар-наме-йе Реза-шах-е Пахлави бе Хузестан ва Мазандаран (Книга путешествия Реза-шаха Пехлеви через Хузестан и Мазандаран). USA: Ketab Corp, 2007. 464 p. (На перс. яз.). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием условного сокращения *Сафар-наме* и указанием страницы в круглых скобках.

¹⁹ Подробнее об этом см.: [Ардашникова, Коняшкина, 2019].

²⁰ Пехлеви — иранская династия, правившая в 1925–1979 гг.

вскользь упомянет реку с чистой водой, полную рыбы, то отметит, что по горной дороге автомобиль пришлось нести на руках. О красотах Исфахана²¹, который иранцы с гордостью уподобляют «половине мира», не сказано ни слова, хотя Резахан провел в городе несколько дней. Любой иранский государственный деятель, претендующий на серьезную карьеру, не мог, оказавшись в *атабате* (см.: [Ардашникова, Коняшкина, 2022]), не заручиться поддержкой имама Хусейна²², особенно в столь многотрудном деле, каким является борьба за престол. Святая Кербела под пером Реза-хана — лишь подмости для толп ликующего народа, приветствующих его победоносное появление на земле Хусейна²³.

Это полностью отвечает авторской цели — превратить рассказ об увиденном в рассказ о себе, что нарушает присущие жанру книги путешествия субъектно-объектные взаимоотношения, придавая внешнему миру служебную функцию фона²⁴.

²¹ Исфахан — величественная столица Ирана конца XVI — первой четверти XVIII в. со всемирно знаменитыми архитектурными памятниками.

²² Хусейн б. Али — сын Али, первого главы шиитской общины, внук пророка Мухаммада, принявший жертвенную смерть в Кербеле.

²³ «Через несколько минут мы пришли на базар Бейн-ал-харамейн (Между двумя святынями). Это длинный базарный ряд, который соединяет гробницу Имама Хусейна с гробницей святого Аббаса. На всем его протяжении были разостланы ковры, а лавки украшены. Пока мы проходили, не смолкали возгласы ликования и аплодисменты, и люди забрасывали нас охапками цветов. В пятидесяти местах резали жертвенных барашков. Один бакалейщик-иранец стоял посередине базара, держа на руках двух своих детей — мальчика и девочку. Он выкрикнул: "Вы возродили иранский народ, и нет пределов нашей благодарности. Так как у меня нет ничего дороже этих двух детей, я готов принести их в жертву". В крайнем возбуждении он вытащил нож и поднес к горлу одного из детей. Я быстро остановил его, поцеловал и приласкал ребенка, а затем тепло поговорил с самим бакалейщиком» (*Сафар-наме*: 274–275).

²⁴ В этом отношении показательно описание шторма, настигшего автора в Персидском заливе, когда «корабль сотрясало и швыряло между водой и небом». В то время, как все его спутники молили о спасении, Реза-хан, сохранявший самообладание, обращался к Всевышнему с другими словами: «Спасибо Господу, что мне удалось изгнать чужеземную армию из залива, над которым отныне развеваются флаги со львом и полумесяцем. Спасибо Господу, что на этом углу судне, которое я приказал залатать и на палубе которого я стою, под порывами морского ветра реет иранский флаг. И в этом случае совершенно не важно, заболеем ли я и мои спутники или упокоимся на морском дне» (*Сафар-наме*: 114–115).

Одним из приемов, позволяющим многократно усилить авторское присутствие в тексте в качестве героя повествования, являются многочисленные, зачастую никак не связанные с местом действия внутренние монологи, обращенные к воображаемому слушателю — внимающему ему народу или его поверженным политическим противникам²⁵. Подобная акцентированная артикуляция авторского кредо напрямую противоречит задачам травелога в его классическом выражении, однако идентична приему, использованному в романе Зайн ал-Абидина Марагаи, наделившего Ибрахим-бека полномочиями выразителя «фанатической любви к родине» (*таасобб-е мелли*), выступающей как обостренное политическое чувство. Однако если экзальтация героя Марагаи подобна любовному горюнию Маджнуна²⁶, приведшему его в могилу, то Реза-хан применяет на себя образ благородного богатыря Рустама²⁷. Иранская аудитория с легкостью считывала эти классические мотивы: достаточно и сегодня пролистать подборку популярных в Иране политических комиксов, чтобы в должной мере оценить естественность такого непринужденного обращения со своим классическим наследием — благородный Рустам в них по-прежнему противостоит вызовам современности, будь то атомная агрессия или экспансия доллара.

Выведение на первый план фигуры автора недвусмысленно заявляет о целеполагании его сочинения. Репрезентация себя в образе вождя, воплощающего чаяния родины, наделенного мессианскими полномочиями не по рождению, как у средневекового государя, а дарованными свыше²⁸, носит откровенно

²⁵ «В течение четырех лет, проявляя выдержку и самообладание, работая по пятнадцать часов в день, снося всевозможные трудности, я наконец привел эту страну в такое состояние, когда иностранные армии изгнаны, руки их вмешательства стали коротки, а политическая независимость Ирана упрочена» (*Сафар-наме*: 88).

²⁶ Маджнун — герой арабского предания и классического персидского романа в стихах, сошедший с ума от страстной любви к Лайли.

²⁷ Рустам — главный персонаж богатырской части эпопеи Фирдоуси «Шах-наме» (XI в.), защитник иранской государственности.

²⁸ «Как будто бы каждый раз, когда Иран под сенью недееспособности пресыщенных правителей падает в пропасть презрения и достигает предела унижения, мощная длань провидения порождает самого могущественного из своих сыновей и возлагает на плечи его разума и способностей

мифотворческий характер. Здесь миф в его сакральной и легитимирующей роли, соединенный с требованиями современности, не только выступает как один из инструментов утверждения Реза-хана во власти, но и преподносит его претензии как естественную логику истории.

«Книга путешествия в Хузестан» Реза-хана писалась с откровенным расчетом на публикацию и, в сущности, представляет собой произведение в жанре политической публицистики. В качестве причин, побудивших автора обратиться к модели *сафар-наме*, по всей вероятности, фигурировали практические соображения. Реза-хан действительно во главе армии пересек Иран с севера на юг, пройдя путь из столицы до побережья Персидского залива. Противопоставляя себя и свою историческую роль кадjarским шахам, заядлым путешественникам, искавшим в дороге лишь приятные и интересные впечатления, Реза-шах демонстрирует, какова должна быть истинная цель путешествия государственного мужа-патриота. Не последнюю роль сыграла и популярность книг путешествия у читающей публики.

Заключение

XIX в. стал провозвестником своеобразной «смены вех» в литературном творчестве на персидском языке, в той или иной степени затронувшей разные жанры. Этот процесс наиболее показателен для «срединной прозы», образцом которой является *сафар-наме* — книга путешествия, одна из первых продемонстрировавшая подвижность жанровых критериев: маршрут теряет свою роль сюжетообразующего ядра, ему на смену приходит авторское видение задачи; линейность нарратива усложняется за счет обобщающих оценок, усиливающих звучание голоса пишущего; рефлексия подавляет описание, являющееся лишь поводом к размышлению и выводам. Нейтральность авторской интонации в *сафар-наме* XIX в. уступает место четко заявленной позиции принятия или отрицания, которая обретает выраженный общественно-политический

тяжелую задачу спасения государства и народа, дабы он стер с ланит возлюбленной матери-родины стыд унижения и облачил ее в одеяние славы и убранство великолепия» (*Сафар-наме*: 52).

характер. Книга путешествия отныне бытует как носитель современного знания об обществе в самом широком смысле, в ее системе зарождаются принципы повествования романного жанра и политической публицистики.

В основании этого процесса угадываются не только импульсы, связанные со включением Ирана в новую систему внешних отношений, но и ресурсы собственной регулярной парадигмы традиционалистского художественного мышления.

Ведущей тенденцией развития жанра *сафар-наме* станет его достаточно быстрое перерождение и вытеснение из читательского обихода, вызванное в значительной мере внелитературными факторами (расширение границ известного мира и появление современных средств коммуникации — прессы, кино и радиовещания, массовое издание путеводителей).

Список литературы

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. ст. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
2. Ардашникова А. Н., Коняшкина Т. А. «Воскресение иранских властелинов»: к вопросу о легитимации Реза-шаха (по материалам «Сафар-наме бе Хузестан») // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2019. № 4. С. 37–50 [Электронный ресурс]. URL: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2019-4.pdf> (08.07.2024).
3. Ардашникова А. Н., Коняшкина Т. А. Шиитское паломничество в атабат в контексте ирано-иракских связей во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 1. С. 20–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.rudn.ru/world-history/article/view/30334> (08.07.2024). DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-1-20-32
4. Базиленко И. В. Тегеранская трагедия 1829 г. в истории российско-иранских отношений // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 168–182 [Электронный ресурс]. URL: https://scientific-journals-spbda.ru/f/17_bazilenko.pdf (08.07.2024).
5. Балащенко Ю. Д. Путешествие по Кавказу в 1829 году испукаительного посольства Ирана, возглавлявшегося персидским принцем Хосров-мирзой // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. Ставрополь: Печатный двор, 2022. Вып. 15. С. 324–351.
6. Додыхудова Л. Р., Рейснер М. Л. «Книга путешествия» («Сафар-нама») Насир-и Хусрава в русских переводах // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 47–78.

7. Кораев Т. К. «Союз в рвении», или «Молодая Турция»: к истории османской общественно-политической мысли второй половины XIX века // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 33–71 [Электронный ресурс]. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2014/08/31/1313479640/So-cOboz_13_2_03_Koraev.pdf (08.07.2024)
8. Крачковский И. Ю. Избр. соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 4: Арабская географическая литература. 966 с.
9. Куделин А. Б. Автор и традиционалистский канон // Куделин А. Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 170–223.
10. Bournoutian G. From Tabriz to St. Petersburg: Iran’s Mission of Apology to Russia in 1829. California: Mazda Academic Press, 2014. 334 p.
11. Melville F. Khosrow Mirza’s Mission to St Petersburg in 1829 // Iranian-Russian Encounters. Empires and Revolutions Since 1800 / ed. by St. Cronin. New York: Routledge, 2013. P. 69–94.
12. Sohrabi N. Taken for Wonder: Nineteenth Century Travel Accounts from Iran to Europe. New York: Oxford University Press, 2012. 179 p.

References

1. Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grintser P. A., Mikhaylov A. V. Categories of Poetics in the Change of Literary Epochs. In: *Istoricheskaya poetika: literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya: sbornik statey* [Historical Poetics: Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness: Collection of Articles]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 3–38. (In Russ.)
2. Ardashnikova A. N., Konyashkina T. A. “The Resurrection of Persian Kings”: The Problem of Reza Shah Pahlavi’s Legitimization (by Materials of “Safar-Nama be Khuzestan”). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie* [Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies], 2019, no. 4, pp. 37–50. Available at: <https://iaas.msu.ru/wp-content/uploads/2022/03/2019-4.pdf> (accessed on July 8, 2024). (In Russ.)
3. Ardashnikova A. N., Konyashkina T. A. Shiite Pilgrimage to Atabat in the Context of Iranian-Iraqi Relations in Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhy narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya* [RUDN Journal of World History], 2022, vol. 14, no. 1, pp. 20–32. Available at: <https://journals.rudn.ru/world-history/article/view/30334> (accessed on July 8, 2024). DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-1-20-32 (In Russ.)
4. Bazilenko I. V. The Tehran Tragedy of 1829 in the History of Russian-Iranian Relations. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2017, no. 5, pp. 168–182. Available at: https://scientific-journals-spbda.ru/f/17_bazilenko.pdf (accessed on July 8, 2024). (In Russ.)

5. Balatsenko Yu. D. A Journey of the Iran's Mission of Apology Headed by the Persian Prince Khosrov-Mirza Through the Caucasus in 1829. In: *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnykh statey* [From the History of North Caucasian Peoples' Culture: a Collection of Scientific Articles]. Stavropol, Pechatnyy dvor Publ., 2022, pp. 324–351. (In Russ.)
6. Dodykhudoeva L. R., Reysner M. L. "The Book of Travel" ("Safar-Nama") by Nasir-i Khusraw in Russian Translations. In: *Vostochnaya klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika* [Oriental Classics in Russian Translations: Reviews, Analysis, Criticism]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2008, pp. 47–78. (In Russ.)
7. Koraev T. K. "United by Enthusiasm" or "Young Turkey": Glimpses of Ottoman Sociopolitical Thought in the Second Half of the 19th Century. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2014, vol. 13, no. 2, pp. 33–71. Available at: sociologica.hse.ru/data/2014/08/31/1313479640/SocOboz_13_2_03_Koraev.pdf (accessed on July 8, 2024). (In Russ.)
8. Krachkovskiy I. Yu. *Izbrannye sochineniya: v 6 tomakh* [Selected Works: in 6 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, vol. 4. 966 p. (In Russ.)
9. Kudelin A. B. The Author and the Traditionalist Canon. In: *Kudelin A. B. Arabskaya literatura: poetika, stilistika, tipologiya, vzaimosvyazi* [Kudelin A. B. Arabic Literature: Poetics, Stylistics, Typology, Interrelations]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, pp. 170–223. (In Russ.)
10. Bournoutian G. *From Tabriz to St. Petersburg: Iran's Mission of Apology to Russia in 1829*. California, Mazda Academic Press Publ., 2014. 334 p. (In English)
11. Melville F. Khosrow Mirza's Mission to St. Petersburg in 1829. In: *Iranian-Russian Encounters. Empires and Revolutions Since 1800*. New York, Routledge Publ., 2013, pp. 69–94. (In English)
12. Sohrabi N. *Taken for Wonder: Nineteenth Century Travel Accounts from Iran to Europe*. New York, Oxford University Press Publ., 2012. 179 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ардашниковая Анна Наумовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иранской филологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки (ул. Моховая, 11, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7569-5794>; e-mail: anardash@mail.ru.

Anna N. Ardashnikova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Iranian Philology, Lomonosov Moscow State University, The Institute of Asian and African Studies (ul. Mokhovaya 11/1, Moscow, 125009, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7569-5794>; e-mail: anardash@mail.ru.

Коняшкина Тамара Александровна, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки (ул. Моховая, 11, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 125009); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9170-1803>; e-mail: tamara_mgu@mail.ru.

Tamara A. Konyashkina, Senior Lecturer of the Department of History of the Near and Middle East, Lomonosov Moscow State University, The Institute of Asian and African Studies (ul. Mokhovaya 11/1, Moscow, 125009, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9170-1803>; e-mail: tamara_mgu@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 09.07.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.09.2024

Принята к публикации / Accepted 05.09.2024

Дата публикации / Date of publication 21.11.2024